

КНИГА В МОЕЙ ЖИЗНИ

# СВЕТ ВЫСОКИХ ЗВЕЗД

там все так же смотрят высокие звезды, а старые сосны мерно гудят за стеклом.  
Мы говорим о стихах, о поэтах.

Адам Мицкевич в сущности наш земляк: он учился здесь, в Вильнюсе, он воспел в своих балладах и поэмах подвиги древних литовцев. И вот теперь готовится издание его произведений на литовском языке, — рассказывает Межелайтис.

Работой над стихами Мицкевича поглощен сейчас Эдуардас Беняминович. Недаром уже давно приобрел в Литве широкую популярность выполненный им перевод известной баллады Мицкевича «Три Будрысы». Некогда Александр Сергеевич Пушкин при участии самого Мицкевича перевел на русский язык эту весьма понравившуюся ему балладу, и в любом томе стихотворений великого поэта России есть «Будрысы и его сыновья».

Межелайтис снимает с подоконника фолиант — это роскошное польское издание «Пана Тадеуша» с «несколько импрессионистскими», по словам поэта, иллюстрациями. Говорим о Польше, о Чехословакии.

В Праге готовится к выходу моя книга «Контрапункт», — сообщает поэт. Интересно, что в старинном Карловом университете имеются специалисты, знающие литовский язык и осуществившие перевод моих «Лирических этюдов» и «Ночных бабочек».

При этом он обращает мое внимание и на то, как похожи огласовки латинских литер на славянские и литовские звуки в чешском и литовском языках: они были сделаны в давние времена лингвистами, хорошо понимавшими фонетические особенности речи обоих народов.

Мне довелось посетить Межелайтиса, когда в стране отмечалось 70-летие Михаила Шолохова, и разговор не мог не коснуться этой темы. Литовский поэт вспомнил о встречах с автором «Тихого Дона» на писательских съездах и творческих совещаниях, а потом рассказал о судьбе его книг в Литве.

Осуществленные в буржуазной Литве переводы «Тихого Дона» не увидели света: они были запрещены властями. По-настоящему литовские читатели смогли узнать Шолохова только после 1940 года. Но особое значение приобрели его произведения в послевоенное время — в годы коллективизации и ожесточенной классовой борьбы в литовской деревне.

— Я сам был свидетелем, — вспоминает Эдуардас Межелайтис, — как в волость

приезжали колхозники из отдаленных хуторов и настойчиво просили в магазине продать им «Поднятую целину». «Шолохов нам поможет строить колхозную жизнь», — убежденно говорили они. Массовое издание романа на литовском языке было в те годы распродано через сеть сельских кооперативных магазинов, где с вилами и граблями, керосином и мылом шли в ход томики «Поднятой целины». Мысли, поступки, чаяния донских хлеборобов оказались близкими и понятными земляпашцам с берегов Немана.

Я слушаю поэта, а взгляд мой тянется к пахнущим свежим деревом длинным стеллажам. На корешках названия художественных, философских, искусствоведческих трудов... Древнеиндийские поэты и мыслители, римские мудрецы, Библия, Коран... Как необычайно широк круг чтения: книги по культуре народов Востока (сколько вдохновенных строк посвятил Индии лауреат премии Джавахарлала Неру Эдуардас Межелайтис!), альбомы народного искусства многих стран, материалы о жизни и творчестве великого литовского художника и композитора Чюрлениса. Осенью этого года исполнится сто лет со дня его рождения. Нашему читателю хорошо знакомы книги Межелайтиса «Чюрленис» и «Мир Чюрлениса», вышедшие в переводе на русский язык.

— А вот новое, еще не переведенное на русский, — Межелайтис открывает недавно изданный в Литве традиционный сборник «Весна поэзии-75». В нем цикл стихов о художнике-композиторе, где каждому стихотворению предпослан эпиграф — строки из писем Чюрлениса.

На полке три изящных томиков в ярких суперобложках: «Моя Литва», «Авиатюды», «Алелюмай». Это самое последнее издание избранных произведений Межелайтиса на литовском языке. В магазинах его уже не найдешь. А в Москве объявлено о выходе «Микропозем», вот-вот автор получит бандероль с первыми экземплярами книги.

...Долго и светел летний вильнюсский вечер. Не уставая, раскачивается за окном верхушка сосны. Мне начинает казаться, что она укоризненно покачивает головой: пора, мол, и честь знать!

Вся жизнь поэта — ночные бдения над книгами, поиск строк, обжигающих сердце, странствия по далеким меридианам, поездки по родной республике — освещена светом высоких звезд.

Лазарь  
ШЕРЕШЕВСКИЙ.

Эдуардас Межелайтис

**ЗА ОКНОМ** раскачивается старая сосна. Вернее, только верхушка сосны: окно на шестом этаже. Внизу, у земли, кажется, что почти нет ветра, а тут, на высоте, — странный, неритмичный танец рыжих, с торчащими темно-зелеными хвостиками ветвей...

В кабинете Эдуардаса Межелайтиса деревянные фигурки работы безымянных литовских сельских умельцев, картина Аугустинаса Савицкаса, gobelen работы Брониславы Йокубонене — дары поэту от авторов. На стеллажах, на столе, на подоконнике — всюду книги, книги, книги... На литовском, русском, польском, итальянском, французском языках...

— Это только небольшая часть нашего книжного хозяйства, — улыбается хозяйка кабинета. — Никакая квартира не вместит всего, что собиралось долгими годами. Немало книг хранится в Каунасе, сотни томов я увез в наш деревенский домик, где обычно работаю в летние месяцы.

С Эдуардасом Межелайтисом я знаком давно, несколько лет уже занимаюсь переводом его стихов на русский язык. Было много встреч и в Москве, и в Поволжье в дни литовской культуры в РСФСР, но в гостях у Межелайтиса я впервые. Много слышал о его прежнем жилище — на улице Костюшко, где окно мансарды выходило прямо в небо... «У подножия звезд» называл поэт мансарду, служившую ему мастерской. Теперь Межелайтис живет в новом, современном доме, но выбрал он самый верхний этаж, и в окно его по но-